

Гречко

Василий Семенович

День сорок второго

Почтальон молча протянул повестку. Василий тоже без слов принял ее .«Павлику»,— промелькнуло в голове.

—Передай это брату, — подтвердил почтальон, — сегодня он должен быть в военкомате.

Павел, старший брат Василия, был трактористом машинно-тракторной станции. В тот день механизаторы перешли через железную дорогу на соседнее поле убирать хлеб. Увидев повозку, без труда различав в ней младшего брата, Павел приглушил мотор, остановил агрегат. Спрыгнул с мостика комбайна, не спеша достал папиросу, прикурил, двинулся навстречу.

—С чем пожаловал, браток, —весело поздоровался он внимательно заглядывая в глаза парню.

—Да вот тут...—начал было Василий.

—Погоди,—вдруг серьезно оборвал его брат, махнул рукой стоящему недалеко мужику, — Николай, принимай мой агрегат, передай председателю: мне повестка пришла.

—А, да, да, передам, передам, —заговорил мужик растерянно, шаря себя по карманам. Забрался на мостик, неясным взглядом посмотрел на рычаги. На сиденьи заметил куртку.

—Эй, Павло, одежду забыл, — крикнул он. Бросился в вдогонку, но остановился, видя бесполезность своей затеи...

Рядом бухнул снаряд, разорвав в клочья небольшой участок земли и тишину. Вместе с этим прервались и мысли сержанта Василия Гречко. Почему-то часто в

минуты передышки вспоминал он тот памятный день. До мелочей запомнил его: они ехали молча. О чем думал брат в те минуты? Лицо его не выдавало тревоги, казалось, он давно знал о повестке.

Мысль, которая пришла Василию уже потом, на фронте, поразила своей простотой. Как же он тогда не догадался, что старший брат ушел на фронт добровольцем?...

—Товарищ сержант, — сквозь гул услышал Василий испуганный голос заряжающего, — танки, танки идут!

Сибиряк высунулся из окопа: от реки, урча моторами, ползли железные коробки, между ними мель-тешили фигурки автоматчиков. Их было много. Они ринулись разом.

Несколько часов подряд бушевал от взрывов Буг — водная преграда на пути отступления фашистов. Кольцо окружения все сжималось и сжималось. Казалось, вот-вот опрокинется передовой рубеж немцев, покатится очумелой лавиной назад, подминая и увлекая за собой в реку тыловые заграждения. Но натиск советских войск вдруг ослаб, и через несколько минут остановился совсем. Времени, отведенного для перегруппировки наступающих, оказалось до-статочно, чтобы фашисты привели себя в боевой порядок, а потом смогли и дерзко атаковать. Это был для загнанного зверя единственный шанс спасти свою израненную шкуру.

В критический момент командование приняло решение отступить.

—Минометы на выюки,— скомандовал сержант Гречко, но, видя, что немецкие танки уже близко, и пехоте не успеть укрыться от них, изменил приказ:

—Отставить, приготовиться к бою!

Этот бой оказался последним для командира расчета Василия Гречко. Тогда он не знал об этом. Он даже не почувствовал ранение. Лишь потом, в окопе у своих, спустив с плеча матчасть миномета, моментом ослаб. Что-то липкое и горячее полилось из левого рукава шинели. Уже в тыловом медсанбате узнал, что контратака была отбита, и гитлеровцы нашли свой конец в водах Южного Буга.

Война подходила к концу. Из госпиталя Василий решил написать письмо брату . Но куда писать, если адрес неизвестен? Думая о Павле, вновь вспоминал ясный

осенний день сорок второго. Не успел брат домолотить ту загонку. Так и стоит она в глазах, покачивая пшеничными колосьями, тихо-тихо шелестя ими. А в шелесте этом слышится тоска о своем хозяине, слышится зовущий голос жаждущей его возвращения родной земли.

Но не откликнулся на этот зов старший брат: Павел Семенович Гречко погиб в самые последние дни войны. Об этом узнал Василий через три года после Победы, вернувшись в свою Аксаковку.

Много лет прошло с тех пор. Вырастил Василий Семенович с женой Марией Дмитриевной четверых детей. Все при месте, при нужном деле. Да и у самого забот, как говорится, выше головы — должность бригадира комплексной бригады не проста. Есть у фронтовика среди многих сложных забот любимая - уборка урожая.

Остановится бригадир у кромки поля, и радуется его душа тучному пшеничному колосу. Вглядывается, прищулив глаза от ласкового осеннего солнца, в желтеющую бесконечную даль, и всплывает в его памяти тот незабываемый день сорок второго года, и слышится тихий шелест покачивающихся колосьев. Память, память, и время бессильно тебя затмить.

Литература:

Конофацкий Г. День сорок второго / Г. Конофацкий // Нива. – 1984. – 23 февр. – С. 3.